

РАФАЭЛЬ БОБ-ВАКСБЕРГ
ТОТ, КТО ПОЛЮБИТ
ВСЕ ТВОИ ТРЕЩИНЫ

ОТ АВТОРА „КОНЯ БОДЖЕКА“ 18+

Рафаэль Боб-Ваксберг

**Тот, кто полюбит
все твои трещины**

«Individuum»

2019

УДК 82-32
ББК 84(7)6

Боб-Ваксберг Р.

Тот, кто полюбит все твои трещины / Р. Боб-Ваксберг —
«Individuum», 2019

ISBN 978-5-6044959-6-4

Рафаэль Боб-Ваксберг — создатель, сценарист и продюсер анимационных сериалов «Конь Боджек» и «Отмена». «Тот, кто полюбит все твои трещины» — его первая книга, молниеносно утвердившая Боб-Ваксберга среди самых изобретательных авторов нашего времени. В ней: жених и невеста противостоят родственникам, требующим провести на свадьбе ритуальную церемонию заклания козлов; влюбленный сотрудник парка развлечений рискует потерять работу из-за мутанта, созданного из ДНК десяти президентов Америки; начинающая рок-группа получает супергеройские способности (но пользоваться ими можно, только будучи пьяным в стельку) - и еще 14 остроумных, забавных и пронзительных рассказов о любви (и одна поэма!). Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82-32

ББК 84(7)6

ISBN 978-5-6044959-6-4

© Боб-Ваксберг Р., 2019

© Individuum, 2019

Содержание

Свидание складывается	6
короткие истории	7
Самое СЧАСТЛИВОЕ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ	8
Пропущенная пересадка[3], [4] – М-Ж	22
Гид по достопримечательностям Нью-Йорка	25
Мы, ученые мужи[28]	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рафаэль Боб-Ваксберг

Тот, кто полюбит все твои трещины

Raphael Bob-Waksberg
Someone Who Will Love You in All Your Damaged Glory
Stories
Alfred A. Knopf New York

Переводчик: Александра Ярославцева

Copyright © 2019 by Raphael Bob-Waksberg
Cover photograph © Maurizio Di Iorio
Cover design by Linda Huang
© Александра Ярославцева, перевод, 2021
© ООО «Индивидуум Принт», 2021

Напечатано с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental Literary Agency

* * *

Дави, дому, где живет мое сердце

Свидание складывается

Свидание складывается. Он симпатичный, обаятельный и полностью соответствует своему описанию на сайте. Он ей нравится, решает она. Он – из тех парней, кого можно познакомиться с друзьями, решает она.

После ужина он приглашает ее к себе. Он открывает бутылку вина и наполняет ее бокал. А еще протягивает ей высокую узкую банку с резиновой крышкой: «Соленых цирковых кешью?»

- Что за цирковые кешью? – спрашивает она.
- Открой, – говорит он, – и узнаешь.

Она рассматривает банку. На этикетке написано «Продукция „Компании Кешью“», а затем крупными заглавными буквами «СОЛЕННЫЕ ЦИРКОВЫЕ КЕШЬЮ», а затем шрифтом поменьше «ВКУСНЫЕ! СОЛЕННЫЕ!», а затем еще более мелким шрифтом «ИНГРЕДИЕНТЫ: КЕШЬЮ, СОЛЬ», а затем сбоку идет изображение мужчины с хлыстом – укротителя львов – вся банка оформлена в цирковой тематике – изо рта укротителя выходит облачко с текстом, в облачке написано: «ПРИВЕТ, ДРУЗЬЯ! Пожалуйста, угощайтесь этими свежими солеными цирковыми кешью от „Компании Кешью“. В этой банке только лучшие соленые цирковые кешью, изготовленные из ингредиентов высшего качества, смешанных в идеальной пропорции; в ней определенно нет игрушечных змей на пружинке, которые выпрыгнут и напугают вас, как только вы снимете крышку, если это вас беспокоит. Нет, нет, выкиньте это из головы, внутри только кешью, клянусь богом. Я ни капли не вру насчет кешью. С чего бы там быть игрушечной змее? Это бред. Смотрите: если вы откроете эту банку и оттуда выскочит игрушечная змея, разрешаю больше никогда мне не доверять, но зачем упускать возможность насладиться великолепными солеными кешью из-за мизерного шанса, что все это – хитрый план, чтобы выставить вас на посмешище? Ладно, вижу, вы так и не открыли банку. И я это понимаю. Возможно, вы не зря осторожничаете. В конце концов, вам уже вралі прежде. Ваше подточенное временем сердце огрубело от шрамов, оставленных чужой беспечностью. Вы вовсе не глупы, но снова и снова спотыкаетесь о трещины превратившегося в булыжник сердца и позволяете безрассудным неприкрытым надеждам опять взять над вами верх. Возможно, внутри каждой банки кешью действительно скрывается игрушечная змея, но вы продолжаете наивно открывать их, потому что в глубине этого самого сердца все еще верите в кешью. И каждый раз, обнаруживая жестокий обман в банке с кешью, вы клянетесь себе, что в следующий раз будете чуть менее доверчивы, чуть менее открытыми, чуть жестче. Это того не стоит, говорите вы. Это просто того не стоит. Вы умнее всего этого. Отныне вы будете умнее. Итак, я здесь, чтобы сказать вам, что в этот раз все будет по-другому, хотя у меня нет тому абсолютно никаких доказательств. Открывайте банку, и все будет хорошо. Соленые цирковые кешью ждут. Они такие пикантные и аппетитные. Вы будете рады, что доверились мне. В этот раз все будет по-другому; даю слово, что по-другому. Зачем мне вам врать? Зачем мне хотеть причинить вам боль? В этот раз не будет никаких змей. В этот раз все будет чудесно».

короткие истории

1. Существует два типа людей, подумал он: люди, которых не хочешь трогать, потому что боишься их сломать, и люди, которых не хочешь трогать, потому что боишься, что они сломают тебя.

2. Она внезапно поняла, что любила *идею* отношений больше, чем любого человека, с которым она когда-либо в отношениях была.

3. «Ты не такая, как другие девушки», – говорил он каждой девушке.

4. Она сказала ему, что любит его и очень заботится о его счастье, а у него самого настолько кружилась голова от любви, что он не понял: их отношениям конец.

5. Он не верил ни одной девушке, которая на фотографиях выглядела лучше, чем в жизни. Он разрабатывал систему, в которой в конечном итоге ему не пришлось бы доверять вообще никому.

6. «Я никогда не думала, что буду настолько счастлива», – представляла она, как однажды скажет кому-то.

7. «Да я о тебе даже не думаю», – он не мог дождаться возможности сказать ей это, как только она перезвонит.

8. У него в арсенале был один очень крутой фокус, который он любил показывать на вечеринках: он мог за целый час ни разу не вспомнить о парализующей правде, заключающейся в том, что жизнь конечна и никогда не повторится вновь.

9. Она внезапно поняла, что любила только *идею* своего мужа и детей, *идею* всех своих друзей, своей работы и своей жизни. Она любила идею всего.

10. Существует два типа людей, подумал он: люди, которых не хочешь трогать, потому что боишься их сломать, и люди, которых ты хочешь сломать.

Самое СЧАСТЛИВОЕ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Итак, если вы хотите услышать кучу мнений о том, Как Правильно Сыграть Свадьбу, лучший способ это сделать – сказать людям, что вы собираетесь жениться, и я гарантирую, что вы окажетесь в советах по уши. Что касается лично меня, то желание выслушивать мнения окружающих не было основной причиной, по которой я предложил Дороти выйти за меня – я сделал это, потому что люблю ее, – но как только мы говорим кому-либо о женитьбе, все воспринимают это как переданную лично в руки письменную просьбу рассказать, что именно мы должны сделать.

– Вы *должны* выставить свечи вдоль прохода, – говорит Никки, лучшая подруга Дороти, типа, как только мы сообщаем ей о свадьбе, даже еще не поздравив нас. – И свечи в проходе должны стоять по высоте, как символ того, что ваша любовь и преданность становятся сильнее и ярче с каждым днем.

– Мы не хотим ничего большого и навороченного, – говорю я. – Мы правда не хотим, чтобы наша свадьба превратилась в какой-то сложный спектакль.

– Но, Питер, у вас должны быть свечи, – говорит Никки. – Иначе как полуслепой демон любви запишет ваши имена в Книге Вечной Преданности?

– А-а-а, – ежится Дороти. – Я и забыла о записи имен в Книге Вечной Преданности полуслепым демоном любви.

Я морщусь:

– Тебе не кажется, что это немного старомодно? У моего двоюродного брата Джереми на свадьбе не было свечей, и с его браком все оказалось в порядке, даже без записи имен демоном любви.

Дороти бросает на меня резкий взгляд, и я знаю, о чем она думает. Разве мой двоюродный брат Джереми не жаловался всего неделю назад на новые ковры, купленные его женой для второго Святилища Размахивания Руками, что они обустроили в своей наземной Молельной Хижине? Возможно, они бы лучше понимали друг друга, если бы у них на свадьбе были свечи, при свете которых демон любви смог бы точно записать имена в свою книгу. Я знаю, что эту битву не выиграю, но подчеркиваю еще раз:

– Очевидно, что мы не сможем сделать всего. Мы пытаемся не усложнять.

Никки не сдается:

– Хорошо, но неужели так сложно поставить свечи? Я не говорю, что вам нужно арендовать дирижабль или что-то типа того. Это всего лишь свечи. Их можно купить в ближайшем Rite Aid¹.

Дороти смотрит на меня своими большими орехово-шоколадными глазами, и я понимаю, что это то, чего она хочет, хотя именно она с самого начала говорила, что нам не стоит усложнять.

– Давай посмотрим, что есть в Rite Aid, – предлагаю я.

Дороти начинает светиться как Рождественский Горящий Боров, и я смиряюсь с идеей, что на нашей свадьбе вдоль прохода будут расставлены свечи по высоте.

Но главное, о чем у всех есть свое мнение, это на каком этапе церемонии приносить козлов в жертву Каменному Богу.

¹ В рассказе упоминаются реально существующие торговые сети, рестораны, аптеки. – *Здесь и далее примечания редактора.*

– Лучше сделать это как можно скорее, – говорит моя мать. – Так вы пораньше с этим закончите, и все будут знать, что Каменного Бога умилировали, а значит, это законный и благословенный брак.

– Ты шутишь? – говорит мой младший брат. Он учится в университете на факультете заклания козлов, поэтому, естественно, у него на все есть свое мнение. – Вы знаете, сколько будет крови? Нужно проводить обряд в конце, иначе поскользнетесь на козлиных кишках во время Танца Лесного Эльфа-Рогоносца, ваши свадебные мантии будут в крови, и в итоге видео с вашей свадьбы окажется в одном из этих блогов о свадебных фейлах.

В этот момент я не нахожу в себе душевных сил сказать ему, что мы не планируем исполнять Танец Лесного Эльфа-Рогоносца, что мы, скорее всего, не будем надевать традиционные свадебные мантии и что мы *точно* не будем нанимать видеооператора.

Мама качает головой.

– Не так уж и много там крови, – она смотрит прямо на брата, – если нанять хорошего заклателя.

Его лицо заливается краской, как бывает всякий раз, когда ему кажется, что никто не воспринимает его всерьез.

– Даже если нанять лучшего заклателя в городе, – говорит он, – даже если нанять Джозефа Навеки Освященного...

– Я тебя умоляю, – усмехается мама. – У Джозефа Навеки Освященного запись на месяцы вперед.

– Да даже если бы не было, – говорит брат. – Я тебе говорю, будет очень много крови.

Дороти накрывает свою пасту маринара салфеткой:

– Я больше не голодна.

– Прости, – говорю я по дороге домой из Olive Garden. – Я знаю, что мои родные иногда слишком наседают.

– Я люблю твою семью, – говорит Дороти. – Они всего лишь пытаются помочь.

– Мы должны были просто сбежать вместе, – говорю я. – Мы бы обошлись без всей этой суматохи, а деньги пустили на медовый месяц. – Еще не закончив эту фразу, я уже понимаю, что это глупость, потому что а) какие деньги? Единственная причина, по которой мы вообще можем позволить себе свадьбу, это то, что отец Дороти единолично управляет и/или ворочает делами Пророческой Рунной Компании и может проспонсировать нас из бюджета своего филиала. Поначалу я испытывал смешанные чувства по поводу корпоративного спонсорства нашей свадьбы, но все-таки это папа Дороти – не то чтобы мы продавались LensCrafters или кому-то еще, – и если это означает, что мы сможем провести свадьбу в Хорошей Церкви с витражными окнами и комфортными скамьями вместо общего зала местного дома отдыха, который, сколько бы свечей в нем ни зажгли, всегда пахнет хлоркой и творогом – как если бы кто-то попытался вывести запах творога хлоркой, но потом стало *слишком* пахнуть хлоркой, поэтому туда принесли еще творога, и по сей день в муках стараются добиться идеального соотношения творога и хлорки, – в общем, если нам удастся избежать всего этого бардака, может быть, это и стоит нескольких стильных баннеров Пророческой Рунной Компании и краткого упоминания в наших клятвах многих преимуществ и применений дважды освященных пророческих рун (доступных по разумным ценам). Однако далее, б) даже если бы мы могли позволить себе поехать куда-то на медовый месяц, мы оба знаем, что у меня не получится взять отпуск. Я и так планирую работать на Урожайной Неделе, потому что в каменоломне во время праздников полуторная ставка, и я рассчитываю на нее, чтобы было чем платить за квартиру, пока Дороти получает степень магистра по социальной работе.

– Честно, единственное, что не дает мне покоя, – это козлы, – говорит Дороти. – Как только мы разберемся, что делать с козлами, все остальное встанет на свои места.

Внезапно мне приходит безумная идея. Настолько безумная, что мне кажется, я даже не могу произнести ее вслух, но как только она оказывается у меня в голове, у меня возникает ощущение, что я уже не могу ее не произнести, поэтому выпаливаю:

– А может, обойдемся вообще без козлов?

Дороти замолкает на мгновение, и я уже знаю, что, как только остановлю машину, она выскочит, убежит и больше никогда не заговорит со мной, и в следующий раз я увижу ее только на обложке какого-нибудь вульгарного таблоида, лежащего на кассе в супермаркете, с заголовком «Мой жених не хотел приносить в жертву козлов!».

Но вместо этого Дороти говорит:

– А так можно?

И я говорю:

– Дороти, это *наша* свадьба. Мы можем делать что захотим.

Она улыбается, и я чувствую себя так же, как наверняка чувствует себя Кларк Кент², когда слышит, как кто-то болтает о Супермене.

Но желание делать что захотим оборачивается лютой головной болью, стоит нам обратиться за разрешением на вступление в брак.

– Сколько козлов вы собираетесь принести в жертву Каменному Богу? – спрашивает Женщина в Окне № 5.

– Мы не будем жертвовать козлов Каменному Богу, – гордо говорю я. – У нас не такая свадьба.

Женщина опускает глаза на свой бланк, затем снова поднимает на нас:

– Значит, около пяти?

– Нет, – говорит Дороти. – Ноль.

Мужчина в очереди за нами издает протяжный стон и демонстративно смотрит на часы.

– Я не понимаю, – говорит женщина. – Вы имеете в виду, один-два? Каменному Богу не понравится получить так мало козлов.

– Нет, – говорю я. – Не один и не два. Ноль. Мы принесем в жертву ноль козлов Каменному Богу.

Она морщит нос:

– Ну, в бланке нет варианта «ноль», поэтому я отмечу «пять».

Глазом моргнуть не успели, как к нам навевается Никки, лучшая подруга Дороти:

– Я слышала, вы хотите принести в жертву всего пять козлов.

– Нет... – начинаю я, но она не дает продолжить:

– Если вы не принесете в жертву хотя бы тридцать восемь козлов, моя мама не придет. Вы знаете, она очень консервативна в таких вопросах.

– Ну, мы играем свадьбу не для твоей мамы, – отрезает Дороти. – Мы не хотим заморачиваться с козлами, и если она не может принять это – не может принять *нас*, – тогда твоей маме не *стоит* приходить.

– Вау, – говорит Никки, а затем повторяет для пущего эффекта: – *Вау*.

Естественно, мой младший брат убит горем:

– Что я должен сказать всем своим друзьям в классе жертвоприношений, когда они узнают, что *мой родной брат* не будет приносить в жертву козлов на свадьбе? Я стану посмешищем!

– Все это делается не для тебя, – говорю я. – Все это делается только для двоих людей, которые собираются пожениться.

– Ты выглядишь напряженным, – говорит мама. – Ты уверен, что тебе не полегчает, если ты просто принесешь в жертву десять козлов?

² Персонаж комиксов DC, альтер-эго Супермена.

– Десять?! – возмущается брат. – Это оскорбление! Честно, если так пойдет, вам проще не жертвовать ни одного и надеяться, что Каменный Бог ничего не заметит.

– Да, – говорю я. – В этом и идея.

– Хорошо, – говорит мама, – забудем о козлах. Но я волнуюсь за вас с Дороти: вы организуете всю свадьбу сами, без помощи.

– Нет никакой «всей свадьбы», – говорю я. – В том-то и весь смысл, что нет никакой «всей свадьбы».

– Почему бы вам не встретиться с организатором свадеб? Может быть, помощь еще одного человека снимет с вас двоих часть напряжения.

– Нет у нас никакого напряжения, – говорю я чересчур громко и чересчур быстро, так что начинает казаться, что напряжение определено есть.

– А кажется, что есть, – отмечает брат. Когда он обучится приносить в жертву козлов, ему будет полезно обучиться еще и науке не лезть в чужие дела.

– Все напряжение – снаружи, – говорю я. – Это внешнее напряжение. Между нами двумя нет никакого напряжения. Кроме того, кто заплатит свадебному организатору? Я не могу снова просить денег у отца Дороти.

– Так и не нанимай, – говорит мама. – Просто встретиться с одной из них и послушай, что она скажет.

Итак, мы назначили встречу с Клариссой, что Планирует Свадьбы.

– Первое, что вам необходимо о нас знать, – говорит Дороти Клариссе, что Планирует Свадьбы, – это то, что мы правда не хотим большую сложную феерию с кучей деталей, – и я так рад, что Дороти говорит это, еще раз подтверждая, что у нас и правда ни капельки нет никакого напряжения.

– Окей, – говорит Кларисса. – Чего же вы *хотите*?

– Все очень просто, – говорю я. – Мы идем по проходу. Дороти выглядит великолепно. На мне костюм. Священник говорит немного о любви. Затем я немного говорю. Затем Дороти. Возможно, тетя Этель читает стихотворение Гертруды Стайн. Затем священник говорит: «Итак, вы любите друг друга?» Я говорю: «Ага». Дороти: «Ага». Потом мы целуемся, все хлопают, а потом мы танцуем...

– Танец Лесного Эльфа-Рогоносца?

– Нет. Не Танец Лесного Эльфа-Рогоносца. Обычный нормальный танец. Под “Twist and Shout” или “Crazy in Love”. Что-то такое. Мы делаем это еще несколько часов, а потом все расходятся по домам. Базовая универсальная икеевская свадьба.

– Но это так неромантично, – говорит Никки, лучшая подруга Дороти, которая тоже почему-то присутствует на встрече.

– Вообще-то это очень романтично, – говорю я, – потому что это только про нас. Это не имеет никакого отношения к тому, что не имеет никакого отношения к нам.

– А какое отношение к вам имеет Гертруда Стайн? – фыркает Никки.

Дороти улыбается:

– Мы оба любим Гертруду Стайн. На одном из первых свиданий мы пошли посмотреть «Доктор Фауст зажигает огни».

– Я в восторге от этой части, – говорит та, что Планирует Свадьбы. – Это так необычно, так по-вашему, и с особым смыслом. Но я бы хотела вернуться к идее не проводить большую церемонию. Насколько вы в ней уверены по шкале от одного до десяти?

– Десять, – говорю я.

– Десять, – говорит Дороти.

– Окей, то есть довольно уверены, но, может, вы допускаете хотя бы немного пространства для маневра?

– Нет, – говорю я.

– Нет, – говорит Дороти.

– Окей, мне нравится, что вы на одной волне. Просто хочу убедиться, что вы подходите к этому практически, потому что одна из причин проводить большую церемонию в том, что свадьбу в любой момент может прервать внезапный приступ Рева, Рыданий и Размахиваний Руками от Визжащего Хора. Рев, Рыдания и Размахивания Руками от Визжащего Хора могут продолжаться по меньшей мере минут двадцать – поэтому, если у вас больше ничего особенно не запланировано, вся церемония внезапно оказывается *посвящена* Визжащему Хору, и тогда не получится добиться той особенной интимности, которую бы вы хотели. Поверьте мне, я такое видела.

Дороти сползает по спинке стула, а я стараюсь держаться за нас обоих:

– Но это как раз то, о чем я говорю. У нас не будет Визжащего Хора.

Дороти поворачивается как луч маяка и светит мне в лицо:

– Подожди, у нас правда не будет Визжащего Хора?

– Но это половина веселья на свадьбе! – возмущается Никки.

– Нет, не половина, – протестую я, но Никки добавляет:

– Буквально пятьдесят процентов веселья на свадьбе в том, что ты никогда не знаешь, когда Визжащий Хор начнет Рев, Рыдания и Размахивания Руками. Если у вас не будет Визжащего Хора, зачем вообще устраивать свадьбу?

– Потому что мы любим друг друга, – робко возражаю я и чувствую, что если мне придется сказать это еще раз, нам не понадобится Визжащий Хор, потому что я сам начну Реветь, Рыдать и Размахивать Руками.

Дороти все еще обдумывает услышанное.

– Наверное, мне никогда не приходило в голову, что у нас не будет даже *небольшого* Визжащего Хора. Без него и правда нет ощущения свадьбы.

Та, что Планирует Свадьбы, делает вид, будто ей очень неловко, что мы обсуждаем это в ее присутствии, словно это первый раз, когда она видит, как пара спорит о деталях свадебной церемонии:

– Похоже, вам двоим еще есть что обсудить друг с другом, прежде чем я пойму, как мне вам помочь.

– Определенно, – гордо говорит Никки, и я думаю, что, если Никки так нравится Кларисса, может, это им стоит пожениться, и тогда они смогут пригласить такой Визжащий Хор, какой только захотят.

После такого нам обоим нужно чем-то поднять настроение, поэтому я отвожу Дороти в салон церемониальных яиц, чтобы присмотреть Яйцо Обета. Я знаю, что формально, согласно приметам, невеста не должна видеть свое Яйцо Обета до свадьбы, но становится все очевиднее, что у Дороти, возможно, есть больше Соображений по Поводу Свадьбы, чем она давала понять с самого начала, когда мы Вместе Решили, что Оба Согласны на Очень Простую, Очень Маленькую Свадьбу без Наворотов и Сложностей, и более того, становится все очевиднее, что, если я выберу Яйцо Обета без ее участия, я накосячу, и тогда оно будет находиться на витрине в нашей гостиной до конца брака как свидетельство того, как же сильно я накосячил, косячу и буду косячить вечно.

В магазине церемониальных яиц все очень дружелюбны и рады за нас.

– Поздравляю! – говорит Сабрина, Та, что Продает. – Вы, ребята, удивительная пара, я уже это вижу, и я хочу помочь вам найти *идеальное* Яйцо Обета. Скажите мне, что вы ищете. Просто забросайте меня словами, не сдерживайтесь.

– Что-нибудь небольшое, – говорю я, – может, полметра в высоту?

Сабрина кивает:

– Маленькие яйца сейчас в моде; у вас прекрасный вкус. Смотрим серебро? Платину? Розовое золото?

Я каким-то чудом нахожу в себе уверенность пробубнить:

– Мы думали, может быть, мы могли бы начать с медных?

Сабрина и бровью не ведет:

– Конечно! У нас есть очень милые медные яйца, это прекрасное начало. Я принесу вам несколько вариантов.

– Извините, – говорит Дороти, – я знаю, у вас, наверное, процент с продаж.

Сабрина смеется.

– Мы найдем что-нибудь изумительное, я обещаю. – Она пожимает руку Дороти и удаляется в заднюю комнату.

– Тебе не обязательно извиняться, – говорю я.

– Мне неловко.

– Мы имеем такое же право быть здесь, как и все остальные, – говорю я Дороти и самому себе.

Сабрина, Та, что Продает, показывает нам несколько медных яиц, каждое из них чуть-чуть дороже, чем я надеялся заплатить, каждое чуть-чуть не то самое Яйцо Обета, которое бы хотела Дороти. Она делает вид, что всё в порядке, но я слышу разочарование в ее голосе:

– Это похоже на Яйцо Обета моих бабушки с дедушкой.

Сабрина кивает:

– Ну, медные яйца, как правило, делают немного более... традиционными.

В другом конце магазина еще одна пара вовсю развлекается в секции платиновых яиц. Мужчина пытается поднять метровое яйцо и постоянно корчит рожи. Они выглядят так, как будто специально нарядились для шопинга, либо сразу после покупки яйца они отправятся плавать на яхте, или играть в гольф, или еще что-нибудь такое, либо они просто всегда хорошо одеваются. Я внезапно замечаю, насколько грязные у меня джинсы.

– Может быть, у вас есть что-нибудь чуть лучше этих? – спрашиваю я. До этого я бывал в домах с медными яйцами, и они всегда казались довольно неплохими, но здесь, в магазине, рядом со всеми остальными яйцами, становится ясно, насколько они невзрачные и заурядные. Я наблюдаю, как Дороти проводит пальцем по незатейливой литой бабочке на одном из яиц, и понимаю, что она думает о том же самом, хотя никогда в этом не признается.

– Может быть, хотите взглянуть на серебряные? – спрашивает Сабрина. – Я понимаю, что вы не хотите ничего слишком вызывающего, но у нас есть несколько достаточно сдержанных вариантов в серебре.

Дороти смотрит на меня, как бы спрашивая: *а можно?*

– Давайте *посмотрим* на серебряные яйца, – говорю я, и эта фраза немедленно взлетает на вершину списка Самых Тупых Вещей, Которые Я Когда-либо Говорил, с небольшим отрывом обгоняя «Можно мне поострее?» и «Мне нравилась твоя прежняя прическа».

Сабрина, Та, что Продает, отводит нас в заднюю комнату, и первое, что она нам показывает, это серебряное яйцо Феликса Вожновски из коллекции 1954 года, с редкими драгоценными камнями и религиозными сюжетами.

– Это, наверное, слишком броское, вам не кажется? – говорю я, уверяя всех в комнате, что моя основная забота – избежать показухи, а не высокой цены.

– Не знаю, – говорит Дороти, – мне кажется, оно хорошее.

– Да, – говорю я, – оно определенно хорошее, но, может, все-таки немного слишком броское?

– Как насчет этого? – спрашивает Сабрина. – Это новый тренд: оно посеребренное, поэтому выглядит элегантно, но не кажется слишком тяжелым.

Дороти кивает:

– Слышал, Питер? *Посеребренное.*

Я улыбаюсь и бегло смотрю на ценник: оно в девять раз дороже самого дорогого медного яйца.

– Да, это отличные варианты, – говорю я. – Нам теперь нужно много о чем подумать. Но Дороти больше не собирается думать.

– Я хочу, чтобы это было сюрпризом на свадьбе, поэтому я подожду в машине. Питер, я уверена: мне понравится любое яйцо, которое ты выберешь.

Она направляется к выходу, а Сабрина улыбается мне и говорит:

– Посмотрим на несколько платиновых вариантов?

Меня слегка корежит:

– Видели бы вы нашу квартиру. Люди вроде нас обычно не покупают подобные Яйца Обета.

– Ну, нередко Яйцо Обета становится самым дорогим предметом в доме, – любезно делится мнением Сабрина.

– Как вы думаете, если я выберу медное яйцо, Дороти будет ненавидеть меня до конца жизни?

– Конечно нет! Она сказала, что будет рада любому яйцу, которое вы выберете, и я считаю, людям важно верить.

Я киваю.

– Но я не могу не заметить, – продолжает она зачем-то, – ее глаза загорелись, когда она увидела то яйцо Вожновски.

Я думаю о Дороти. Я думаю о нашем первом свидании, когда я хотел отвезти ее в кино-театр под открытым небом, но моя кредитка не прошла. Я чувствовал себя идиотом, однако она предложила заехать на холм и посмотреть фильм без звука оттуда. Мы сами придумывали диалоги, что оказалось еще веселее и по-глупому романтичнее, и я пообещал себе в ту ночь, что сделаю все возможное, чтобы любить эту женщину до конца моих дней.

– Можете пока отложить Вожновски? – спрашиваю я. – Я не могу позволить его себе – *сейчас*, – но я хочу его купить.

Сабрина делает вид, что колеблется.

– Я не могу... но вы, ребята, кажетесь такими влюбленными... Может, я могу его куда-нибудь припрятать на пару недель. – Она подмигивает мне, на душе у меня порхают пташки, и я делаю в уме пометку написать хороший отзыв на Yelp и назвать нашу первую дочь в честь Сабрины, Той, что Продает.

Я проскальзываю в машину, и Дороти говорит:

– Не рассказывай мне, какое купил. Я хочу, чтобы это был сюрприз.

– Никакое не купил, – говорю я. – Я решил сделать яйцо сам из картона и ершиков.

– Ха-ха. – Затем: – Ты ведь шутишь, да?

– Я думал, ты хотела сюрприз.

– Здорово, наверное, здесь работать, – говорит Дороти. – Весь день проводишь со счастливыми влюбленными парочками и помогаешь им спланировать совместное будущее.

Я говорю:

– Ага, и тебе даже не нужна степень магистра по социальной работе.

Дороти бросает на меня взгляд: *окей, приятель*.

А я смотрю на нее: *я просто сказал!*

А она смотрит на меня: *и что мне с тобой делать?*

Хорошая новость заключается в том, что на следующий же день в каменоломне происходит несчастный случай и Фрэнки Шрафф ломает малую берцовую кость. Определенно плохая новость для Фрэнки, ведь у нее и так муж-инвалид, или для Джоуи Злотника, который теперь должен лезть на лестницу и обновлять табличку «___ ДНЕЙ С ПОСЛЕДНЕГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ», потому что пока он пытается управиться с гигант-

ским нулем, он сам падает и ломает малую берцовую кость – но это отличная новость для меня, потому что это значит, что я могу взять дополнительные смены в каменоломне. Это само по себе палка о двух концах, я знаю, потому что чем больше я работаю, тем выше вероятность, что со мной самим приключится несчастный случай с последующим переломом малой берцовой, но, на мой взгляд, преимущества перевешивают недостатки. А преимущества таковы:

1. Я буду выглядеть пробивным парнем и командным игроком перед Дэвидом и Дэвидом из главного офиса.

2. Мне больше заплатят. Это главное, потому что я смогу покрывать незапланированные расходы по мере их появления, а они возникают, например, когда моя невеста внезапно решает, что она хочет Яйцо Обета от Вожновски или Визжащий Хор на свадьбе, хотя знает, что бюджет не рассчитан ни на то, ни на другое.

3. Мне больше заплатят. Этот пункт связан с предыдущим, но отличается от него. Предыдущее «мне больше заплатят» – это практический аспект, а это скорее духовный. Пока я работаю дополнительные смены, я могу думать о том, что я получаю больше денег и зарабатываю на свадьбу и на жизнь, которую я собираюсь провести со своей будущей женой. Это дает мне приятное ощущение добытчика в семье, что само себе так старомодно и неловко, и, если кто-нибудь меня спросит, я буду все отрицать, но, по правде говоря, это приятное чувство.

4. Так у меня будет меньше возможностей спорить с Дороти о свадьбе. Этот факт доставляет мне меньше радости, но правда заключается в том, что чем ближе свадьба, тем больше мы ссоримся. Наша последняя ссора была о том, будем ли мы принимать участие в традиционной Неделе Возлежания с Верховным Жрецом Кенни Соргенфреем.

– Я должна возлежать с Верховным Жрецом Кенни Соргенфреем, – говорит Дороти, – чтобы он мог доказать всей деревне, что я девственница.

– Но ты не девственница, – говорю я. – Я тоже не девственник.

– Дело не в этом, – говорит она. – Это традиция. Если Верховный Жрец Кенни Соргенфрей не скажет всей деревне, что я девственница, моя мать сгорит со стыда.

Поэтому она идет возлежать с Верховным Жрецом, а я работаю в каменоломне дополнительные часы.

Я прихожу в гости к Фрэнки Шрафф с запеканкой. Возможно, это ошибка, потому что, хоть Фрэнки и очень рада видеть друга с работы, вся ситуация вгоняет меня в печальные раздумья. Она живет в малюсенькой квартирке с мужем и тремя детьми. Мне не нравится судить, поскольку, конечно же, все мы крутимся как можем, но в раковине у них гора посуды, на стенах разводы – еще раз, это не вина Фрэнки или ее мужа, который правда отличный парень, но самое худшее – это Яйцо Обета на витрине в углу. Я узнаю его: это медное яйцо из магазина – то, что я наполовину уговорил себя купить для нас с Дороти. В магазине оно выглядело простым, неброским, даже элегантным – но в квартире Фрэнки я вижу его таким, какое оно есть на самом деле: дешевым.

Я возвращаюсь в салон и покупаю Вожновски. Снимаю деньги с двух кредитных карт. Думаю, что если я возьму все дни отпуска на рабочие дни, то смогу работать в праздники и получать сверхурочные.

Хочу ли я заплатить дополнительные пятьдесят долларов, чтобы выгравировать наши имена на яйце Феликса Вожновски коллекции 1954 года из чистого серебра? Еще как хочу. Хочу ли я также купить специальную подставку для него? Безусловно. А кто будет держать яйцо во время церемонии?

– Мы можем дать вам в аренду евнуха через Церковь Бога Вина, – предлагает Сабрина, Та, что Продает. – Они знают, что делают. Вожновски тяжелее, чем кажется, и я видела, скажем, больше чем одну свадьбу, которая была испорчена тем, что просили какого-то дядюшку подержать яйцо, а он уронил его в середине церемонии.

– Хорошо, – говорю я. – Давайте возьмем евнуха!

В эту ночь я слишком взволнован, чтобы спать, поэтому я еду к ущелью и смотрю на воду. Я думаю о Дороти, которая сейчас возлежит с Верховным Жрецом и понятия не имеет, что ее будущий муж только что сделал для нее. Я знаю, что яйцо не имеет значения; я знаю, что имеет значение только то, как сильно я люблю ее; но яйцо – это символ этой любви, и, когда я думаю о том, какой отличный символ я приобрел, я испытываю гордость, чувствую себя удачливым, чувствую себя счастливым. Я думаю о Дороти – думаю о том, как она кладет голову мне на грудь, когда мы засыпаем, – и испытываю гордость, и чувствую себя удачливым, и чувствую себя счастливым.

Потом случается худшее, что может случиться: на двойной смене в каменоломне Гэвин Качефски вырубается за механическим перфоратором, и в итоге еще пять человек ломают малые берцовые кости.

Дэвид и Дэвид собирают рабочее собрание.

– Больше никаких двойных смен, – говорит один из Дэвидов, Дэвид, который говорит. – Слишком много сломанных малых берцовых костей.

Толпа стонет, и второй Дэвид, Дэвид, который не говорит, шепчет что-то на ухо первому Дэvidу.

– Также, – говорит Дэвид, – с сегодняшнего дня мы больше не предоставляем полуторную ставку за работу на праздниках.

– Это нечестно! – кричу я. – Я рассчитывал на эти деньги.

– Я тоже! – кричит Хосе, чья кухня недавно провалилась под землю.

– Мы все рассчитывали! – кричит Дэйб, чей ребенок постоянно что-то себе ломает.

– Дело не в деньгах, – говорит Дэвид. – Дело в вашей безопасности. Мы здесь одна большая семья, и если мы продолжим ломать малые берцовые на работе, ставки по медстраховке взлетят к небесам и придется начать сокращать людей. А мы очень не хотим этого делать, потому что, еще раз: мы семья.

– Значит, вы хотите сказать, что мы не можем работать по праздникам?

Дэвид, который не говорит, шепчет что-то на ухо Дэvidу, который говорит, и тот кивает.

– Нет, вы определенно можете, – отмечает он. – По правде говоря, мы были бы вам очень благодарны; мы просто не будем платить вам полуторную ставку, потому что это может вас стимулировать.

– Невероятно! – говорит Кэт Чанг.

Кэт – настоящая подстрекательница толпы, и на доли секунды кажется, что она вот-вот начнет мутить воду, но прежде, чем у нее появляется шанс, Дэвид, который не говорит, громко объявляет: «Это не обсуждается», – и мы все понимаем суровость ситуации, потому что, когда Дэвид, который не говорит, начинает говорить, ты понимаешь, что все по-настоящему серьезно.

Я возвращаюсь в магазин яиц. Сабрина, Та, что Продает, приветствует меня широкой улыбкой.

– Привет, здоровяк! Захотел еще раз взглянуть на свой шедевр?

Я не могу смотреть ей в глаза.

– Мне нужно его вернуть. Оно слишком дорогое.

Она смотрит на меня, как будто я говорю на другом языке.

– Его нельзя вернуть. На нем уже сделали гравировку.

– Хорошо, ладно, могу я хотя бы вернуть деньги за евнуха? Он нам не нужен. Мы просто поставим яйцо на стенд.

– Это было пожертвование Церкви Бога Вина. Нельзя его просто взять и забрать.

– Сабрина, вы должны мне помочь. Вы можете мне *хоть чем-нибудь* помочь?

Сабрина смотрит по сторонам, затем наклоняется ко мне и шепчет:

– Я могу дать вам 20 % скидку на следующую покупку.

Я взрываюсь:

– С чего мне захотеть покупать *еще одно* Яйцо Обета?!

Не зная, что еще делать, я бегу в Пророческую Рунную Компанию, лифт несет меня на последний этаж. Отец Дороти в своем кабинете, окна которого выходят на производственный цех, наблюдает за полировкой и благословением Пророческих Рун.

– Питер! Чем я могу помочь?

– Ну... я насчет свадьбы.

– М-м?

– Насчет денег.

– Хм.

Я начинаю бубнить:

– Бу-бу-бу Яйцо Обета бу-бу-бу не могу себе позволить.

Отец Дороти садится. Он выглядит огорченным.

– Яйцо Обета символизирует обет, который ты даешь моей дочери, – обет обеспечивать и защищать ее. Если я за него заплачу, что оно будет символизировать тогда?

– Я могу его отработать, – говорю я. – После смены в каменоломне позвольте мне приходить сюда поработать на полировке. Дороти даже не обязательно об этом знать.

Он глубоко вздыхает и смотрит на меня, как будто я салат, в котором он только что нашел дохлого жука и теперь пытается понять, имеет ли смысл звать официантку и отправлять меня обратно на кухню.

– Питер, я бы очень хотел, чтобы ты еще раз подумал насчет козлов.

Это меня ошарашивает, потому что к этому моменту я правда был уверен, что мы договорились насчет козлов.

– Что касается всех этих козлов... – начинаю я, но меня немедленно выбивает из колеи то, как странно начинать предложение с фразы «Что касается всех этих козлов». Это был неудачный выбор. Я думал, что у меня получится достойно закончить эту фразу. У меня не получилось достойно закончить ее.

– Послушай, – говорит он. – Я все понимаю. На нашей свадьбе мы тоже не хотели ничего усложнять, поэтому принесли в жертву всего двенадцать козлов. Но если не принести в жертву *несколько* козлов, Каменный Бог рассердится, найдет проклятие на ваш дом, и первенец родится статуей. Вот этого я просто не могу допустить.

– Сэр, – говорю я, и мне странно называть его сэром, потому что когда мы с Дороти объявили о помолвке, он крепко меня обнял и велел называть его Папой, но я знал, что в этот момент было бы еще страннее назвать его Папой. – Сэр, при всем уважении, это когда-нибудь случилось? Действительно ли были люди, которые не стали приносить в жертву козлов, и у них родилась статуя?

– Это случилось с Женой Кайла в двенадцатой главе, стихе восьмом Книги Кайла.

– Да, разумеется, естественно, это случилось в Книге Кайла, но я имею в виду, случилось ли такое с кем-нибудь, кого вы знаете, в вашей жизни?

Он долго затягивается сигарой, все время глядя мне прямо в глаза.

– Все, кого я знаю, – говорит он, – приносили жертву Каменному Богу.

Он достает ручку, которая, возможно, стоит больше, чем я получаю в год, и быстро пишет в чековой книжке.

– Вот что я тебе скажу, – говорит он. – Ты хочешь принести в жертву козлов, я заплачу за козлов – я заплачу за столько козлов, сколько ты хочешь, и я даже накину неплохие чаевые заклателю. Ты попросишь своего брата забить козлов и используешь деньги на что-нибудь еще, на что – твое дело...

– Я ценю это, но все, чего я прошу, это только...

– Это довольно разумное предложение, – говорит он.

Я киваю, чувствуя себя неловко из-за того, что попытался торговаться с человеком, который, по сути, руководит местным отделением Пророческой Рунной Компании.

– И я предпочитаю считать себя разумным человеком. Современным, утонченным, здравомыслящим человеком. Но моя дочь не выйдет замуж без жертвоприношения.

Я еду в дом Соргенфрея. Кенни открывает дверь в халате.

– Привет, брат.

– Мне нужно поговорить с Дороти.

– Оу-у, не получится, приятель. Жених не должен видеть невесту, пока она возлежит с Верховным Жрецом.

– Я должен с ней поговорить. Скажи ей, что это срочно.

Кенни Соргенфрей надувается, прищуривается, глядя на меня, затем закрывает дверь. Через несколько минут выходит Дороти в халате.

– Что такое? Что случилось?

– Во-первых, привет. Ты выглядишь великолепно.

– Питер, что происходит?

– Я думал о свадьбе, и я считаю, что мы должны устроить жертвоприношение.

Дороти мгновенно превращает слово «бешенство» в глагол и прямо-таки бешенствует на меня:

– *Это* срочно?

– Ну, свадьба через две недели, и мне нужно сделать заказ в оптовом магазине козлов...

– Окей, значит, когда я хочу возлежать с Верховным Жрецом, это глупо и старомодно, но из-за того, что твой брат забивает козлов, внезапно...

– Дело не в этом.

– Разве не ты выступал за то, чтобы не устраивать ничего большого?

– *Вообще-то*, – говорю я, – это *ты* не хотела ничего большого. Но мы можем забить всего десять козлов. Что тут такого? Это многих обрадует.

Она затягивает свой халат.

– Если сегодня мы скажем, что забиваем десять козлов, завтра их будет уже двадцать восемь, и потом мы глазом моргнуть не успеем, как наша свадьба превратится в одну из тех свадеб, где две сотни козлов и большая часть церемонии уходит на то, чтобы их забить.

– Я просто говорю, что, если Каменный Бог действительно наложит проклятие на наш дом и первенец родится статуей, это тебе придется его рожать.

Она делает глубокий вдох, и на секунду кажется, что на этом будет все, но затем она говорит «Послушай», и если я хоть что-то знаю об отношениях, так это то, что ни одно хорошее предложение не начинается со слова «послушай». Никто никогда не говорит «Послушай, это отличная мысль! Ты прав! Давай перестанем спорить!».

– Послушай, – говорит она. – Я много думала. Отчасти сама, отчасти... в беседе с Верховным Жрецом Кенни Соргенфреем.

– В беседе? Какой беседе?

– В одной из многих бесед, Питер.

– Почему ты много беседуешь с Кенни Соргенфреем? Предполагается, что ты просто возлежишь с ним – не обязательно с ним беседовать.

– Иногда после возлежания мы беседуем.

– Это не обязательно. Это не входит в ритуал. С каких пор это надо делать?

– *Некоторые* парни, – говорит она с надрывом в голосе, – любят поговорить после, вместо того чтобы просто засыпать. Вообще-то это довольно мило.

– Окей, вы беседуете. И о чем же вы беседуете?

– Как ты знаешь, Кенни возлежит со многими невестами – типа, с большинством невест, – и он говорит, что обычно не встречает невест с таким количеством... сомнений.

Итак, есть еще одна вещь, которую я знаю об отношениях: когда тебе говорят «У меня есть сомнения», это даже хуже, чем когда тебе говорят «Послушай».

– У тебя есть сомнения?

– Да, у меня есть некоторые сомнения.

Внезапно у меня появляется ощущение, что я говорю с какой-то другой Дороти – с новой, непохожей на прежнюю, Дороти, с которой я не умею разговаривать. Я пытаюсь посмотреть ей в глаза, но она не смотрит на меня.

– Ты беседуешь, у тебя есть сомнения – что с тобой происходит?

– Последнее время ты так много времени проводишь в каменоломне. Мне кажется, я тебя совсем не вижу, и... Я думаю, что это не знаменует ничего хорошего для нашего брака.

– Это «не знаменует ничего хорошего»? Кто вообще говорит «знаменует хорошее»? Это Кенни Соргенфрей сказал?

– Ну, он это сформулировал, но я сама уже думала, что знаменование из этого всего и правда не слишком хорошее.

– Я из кожи вон лезу в каменоломне, чтобы сделать идеальную свадьбу для тебя.

– А мне так не кажется. Мне кажется, что ты работаешь допоздна, потому что не хочешь проводить время со мной.

– Ты думаешь, я не хочу проводить время с тобой?

– Я просто говорю, что мне так кажется!

– Так если я не хочу проводить с тобой время, почему я вообще на тебе женюсь?

– Я не знаю! – кричит она. – Какие у тебя на то причины?!

В голову немедленно приходит сотня Ужасных Мыслей, но у меня не получается призвать хотя бы одну Хорошую Мысль, даже если бы моя жизнь зависела от этого. Поэтому вместо этого я выкрикиваю самую не-Ужасную Мысль из всех Ужасных Мыслей, пришедших мне в голову, которая звучит как: «У меня на то нормальные причины!»

Я никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь говорил что-то с таким презрением, с каким Дороти выплюнула мне в лицо:

– *У тебя на то нормальные причины?*

– Да, – говорю я. – Нормальные. Типа я люблю тебя и хочу провести с тобой всю оставшуюся жизнь. Ну вот все эти тупые клише, что, даже когда я злюсь на тебя, я люблю тебя и что лучший момент каждого дня – это просыпаться рядом с тобой. И меня убивает, что это все – нормальная, типичная фигня влюбленных, потому что я хочу верить, что наша любовь особенная – что она больше и интереснее всех остальных, – но жестокая правда в том, что моя любовь к тебе именно такая – последовательная, предсказуемая и скучная.

Я вижу, как Дороти немного смягчается, что хорошо, потому что я не знаю, что еще сказать.

– Ты поэтому хочешь козлов на нашей свадьбе?

– Что касается всех этих козлов... я пообещал твоему отцу, что они у нас будут. Мне пришлось попросить у него еще денег, потому что я купил Яйцо Обета от Феликса Вожновски, а я не мог его себе позволить.

Дороти подносит руку ко рту. Ее глаза расширяются.

– Ты купил Вожновски?

– Да, – говорю я. – Это глупо. Все это глупо, но... Я люблю тебя.

Дороти улыбается.

– Ну, в этом нет ничего глупого, – говорит она отстраненным тоном, который, как я знаю, она использует в те моменты, когда хочет выглядеть невозмутимой, но, поскольку ее голос дрожит, а глаза блестят от слез, это выглядит так искренне, как только может быть.

– Нет? – спрашиваю я, и она качает головой.

– Ты шутишь? – она говорит мягко и нежно. – Я, блин, в восторге.

Так, позвольте сказать, если раньше я считал Дороти красивой, то теперь, когда я стою у алтаря и вижу, как она входит в Хорошую Церковь в свадебной мантии – а за спиной у нее виднеются витражи, – тут уж хоть до ста лет доживи, а все равно ничего прелестнее не увидишь. И в этот момент я думаю: это самый лучший из всех возможных способов отпраздновать свадьбу, потому что это свадьба с Дороти.

Мой младший брат сам проводит жертвоприношение – мы останавливаемся на пятидесяти козлах, хорошее круглое число, – и все проходит без сучка и без задоринки, однако спустя полчаса, пока тетя Эстель читает стихотворение Гертруды Стайн, оказывается, что один из козлов не умер до конца, он сваливается с жертвенного алтаря и начинает волочиться по проходу туда-сюда, бляя, визжа и разбрызгивая кровь повсюду. Младший брат вскакивает с места и пытается справиться с ним, но этот скользкий паршивец отлично смазан кровью и кишками остальных сорока девяти козлов. Кровь брызжет повсюду, а моя мать наклоняется ко мне и шепчет: «Именно поэтому надо было нанимать профессионального заклателя».

Естественно, один из парней в Визжащем Хоре не выдерживает. Он начинает Реветь, Рыдать и Размахивать Руками. А затем его сосед начинает Реветь, Рыдать и Размахивать Руками. Не успели оглянуться, как все двенадцать лезут через скамьи с закатившимися глазами – и все Ревут, Рыдают и Размахивают Руками.

Тем временем тетя Эстель все еще читает стихотворение Гертруды Стайн, она не знает, что делать, поэтому просто читает все громче и громче.

Моя мать наклоняется ко мне и шепчет: «Бога ради, сможешь ты уже своему младшему брату или нет?»

Я выбегаю в проход, и мой брат загоняет козла прямо ко мне в руки. Я поскользываюсь на крови и падаю на задницу, но крепко держу извивающееся существо, чтобы оно не сбежало. Брат дрожит, и я слишком поздно понимаю, почему большинство пар ждут *окончания* свадьбы, прежде чем отдать церемониальный нож для заклания самому младшему кузену, чтобы тот выбросил его в ущелье. Это мне всегда казалось очень блеклым окончанием церемонии, поэтому мы отправили маленького Такера домой пораньше, но теперь я все понимаю. Нож нельзя было уносить слишком рано.

– Что теперь? – спрашивает брат.

– Я не знаю! – кричу я, стараясь получше обхватить бьющееся в конвульсиях животное. – Ты у нас главный эксперт по козлам!

Затем Дороти выкрикивает что-то, что я не могу расслышать поверх всего этого хаоса и голоса тети Эстель. Дороти кричит снова и показывает на евнуха в конце зала, и я ору брату: «Яйцо!»

Он бежит туда и пытается вырвать большую серебряную штуку из рук евнуха. Евнух поклялся Богу Вина защищать яйцо до конца церемонии любой ценой, поэтому он не отдает его без боя, однако брат бьет его кулаком по лицу, и тот отшатывается. Меня передергивает от мысли, как это все выглядит со стороны родственников Дороти – не говоря уже о Боге Вина, если Он действительно существует, – и я уверен, мама считает, что хорошо воспитывала детей и им никогда не опуститься до такого, но иногда отчаянные времена требуют двинуть евнуху по лицу и стащить у него гигантское серебряное яйцо, чтобы пристукнуть им козла.

К этому моменту Визжащий Хор занимает Рыданиями и Размахиванием Руками весь проход, поэтому у брата остается иного выхода, как обежать весь зал, чтобы вернуться к нам с козлом.

Я ложусь на спину и пытаюсь расположить извивающееся животное таким образом, чтобы брат смог быстро проломить череп. Он замахивается яйцом, но козел судорожно вглядывается ему в лицо, и внезапно брат тает.

– Давай! – кричу я, пока козел брыкается у меня в руках и пинает живот. – Чего ты ждешь?

– Я не могу, – говорит мой брат. – Я не могу этого сделать.

Он падает на колени и обнимает яйцо как младенца. Мне жаль его, но еще я не могу не думать обо всех тех деньгах, которые мои родители спустили на ветер, отправив его в университет учиться на факультете жертвоприношений.

– Да пошло оно, – говорит Никки, лучшая подруга Дороти. – Я это сделаю.

Никки протискивается в проход и выхватывает яйцо, но, увлекшись, опрокидывает одну из свечей, что расставлены вдоль прохода по высоте, – пламя задевает подол платья, и оно тут же вспыхивает, как Рождественский Горящий Боров. Никки бросает яйцо и бежит к алтарю, объятая пламенем. Она вопит, козел тоже, а потом и все остальные присоединяются – разве что кроме тети Эстель, у которой, Господь ее храни, есть важная миссия, и она во чтобы то ни стало дочитает Гертруду Стайн.

Я смотрю на невесту, замершую у алтаря с раскрытым ртом – широко раскрытым ртом – серьезно, клянусь, вы никогда не видели, чтобы кто-то так широко раскрывал рот.

Она смотрит на меня большими глазами цвета лесной чащи: *ты можешь в это поверить?*

А я смотрю на нее: *ну а чего мы ожидали?*

Козел бьется в судорогах у меня в руках, и Дороти начинает смеяться. Затем она поднимает руку и выпячивает подбородок, как будто вот-вот пустится в Танец Лесного Эльфа-Рогосца, и я начинаю смеяться. Она смеется, и я смеюсь, и, клянусь Богами, я самый счастливый мужчина на свете. Я смотрю на нее, освещенную огнем, измазанную кровью, оглушенную Визгами Хора и воем умирающего козла, и жалею, что не могу жениться на ней еще раз. Я хотел бы жениться на ней еще сто тысяч раз.

Пропущенная пересадка^{3, 4} – М-Ж

Я увидел тебя в метро на маршруте Q, в поезде Манхэттен – Бруклин.

Я был в футболке в голубую полоску и бордовых штанах. Ты – в винтажной зеленой юбке и топе кремового цвета.

Ты зашла на станции «Декалб» и села напротив, наши глаза на мгновение встретились. Я немножко влюбился, так по-глупому, когда создаешь в голове полностью вымышленную версию человека, смотришь на нее и влюбляешься. Но я все равно думаю, что это было неспроста.

Несколько раз мы смотрели друг на друга и отводили глаза. Я пытался придумать, что тебе сказать – может, притвориться, что я заблудился, и спросить дорогу, или сказать что-нибудь о твоих сережках в форме сапожек, или просто заметить «Жарко сегодня». Это все казалось таким глупым.

В один момент я поймал твой долгий взгляд, и ты сразу же потупила глаза. Затем достала из сумки книгу и стала читать – биографию президента Линдона Джонсона, – но я заметил, что ты ни разу не перевернула страницу.

Мне нужно было выходить на «Юнион-сквер», но я решил остаться, подумав, что на 42-й улице я мог бы пересесть на 7-й маршрут, но на 42-й улице я опять решил не выходить. Ты, должно быть, тоже пропустила свою станцию, потому что, когда мы доехали до самого конца маршрута на 96-й улице, мы оба просто сидели в вагоне и ждали.

Я вопросительно посмотрел на тебя, наклонив голову. Ты пожала плечами и подняла перед собой книгу; ты пропустила свою станцию, потому что отвлеклась, вот и всё.

Мы сели на обратный поезд – вниз по Верхнему Ист-Сайду, петляя по Среднему Манхэттену, от Таймс-сквер через Геральд-сквер до Юнион-сквер, под Сохо и Чайна-тауном, вверх по мосту обратно в Бруклин, мимо Беркли и Проспект-парка, мимо Флэтбуш и Мидвуд и Шипсхед-Бей, до самого Кони-Айленда. И когда мы добрались до Кони-Айленда, я знал, что должен что-то сказать.

Но я не сказал ничего.

И мы поехали обратно.

Из одного конца ветки Q в другой, снова и снова. Мы попадали в толпу пассажиров в час пик и видели, как она редет. Мы наблюдали, как солнце садится над Манхэттеном, когда пересекали Ист-Ривер. Я ставил себе сроки: я заговорю с ней до Ньюкерка; я заговорю с ней до Канала. Но по-прежнему хранил молчание.

³ Рассказ «Пропущенная пересадка» был впервые опубликован в разделе «Missed Connections» на сайте Craigslist 6 августа 2013 года.

⁴ В оригинале – «Missed Connection»: выражение обозначает не только «пропущенную пересадку», но и жанр объявления, с помощью которого пытаются найти понравившегося незнакомого человека. Впервые рассказ был опубликован в 2013 году на сайте электронных объявлений Craigslist в разделе «Missed Connections».

Долгие месяцы мы сидели в поезде, не говоря ни слова. Мы выживали на пакетиках Skittles, купленных у детей, собирающих деньги для своей баскетбольной команды. Мы слышали, наверное, миллион ансамблей мариачи⁵, чуть не получили по лицу от сотни тысяч брейк-дансеров. Я давал деньги попрошайкам, пока у меня не кончились однодолларовые купюры. Когда поезд поднимался из-под земли, я получал сообщения и голосовую почту («Где ты? Что случилось? У тебя всё в порядке?»), пока мой телефон не сел.

Я заговорю с ней к рассвету; я заговорю с ней ко вторнику. Чем дольше я ждал, тем сложнее становилось. Что я вообще могу сказать тебе сейчас, когда мы проезжаем одну и ту же станцию в сотый раз? Возможно, если бы я мог вернуться во времени к тому первому разу, когда на выходные наш состав перевели с маршрута Q на локальный маршрут R, то я бы сказал «Как неудобно», но я не могу сказать это сейчас, правда? После каждого твоего чиха я по несколько дней кусал локти: почему я не мог сказать «Будь здорова»? Этого шажка навстречу хватило бы, чтобы начать разговор, но вот мы все еще сидим в глупом молчании.

Были ночи, когда мы оставались единственными живыми душами в вагоне, а возможно, и во всем поезде, и даже тогда мне было неловко тебя беспокоить. Она читает, думал я, она не хочет со мной разговаривать. И все равно были моменты, когда я чувствовал связь между нами. Кто-нибудь кричал что-то безумное об Иисусе, и мы немедленно бросали взгляды друг на друга, чтобы увидеть реакцию. Пара подростков покидала поезд, держась за руки, и мы оба думали: первая любовь.

Шестьдесят лет мы сидели в вагоне, едва притворяясь, что не замечаем друг друга. Я узнал тебя так хорошо, пусть и видел всегда лишь краешком глаза. Я запомнил изгибы твоего тела, очертания твоего лица, ритм твоего дыхания. Однажды я увидел, как ты заплакала, взглянув на газету сидящего рядом пассажира. Мне было интересно, заплакала ли ты из-за чего-то конкретного или из-за общего хода времени, такого незаметного, пока его внезапно не заметишь. Я хотел успокоить тебя, заключить в объятия, заверить, что все будет хорошо, но это казалось слишком фамильярным; я сидел, словно приклеенный к своему сиденью.

Однажды, в середине дня, ты встала, когда поезд подъезжал к Авеню Джей. Тебе с трудом далась эта простая задача – встать, ведь ты не делала этого уже шестьдесят лет. Держась за поручень, ты подошла к дверям. Там ты немного поколебалась, возможно, ожидая, что я что-то скажу, давая мне один последний шанс остановить тебя, но вместо того, чтобы излить на тебя целую жизнь, прожитую среди этих несостоявшихся почти-что-разговоров, я не сказал ничего и только наблюдал, как ты проскользнула между закрывающимися дверьми.

Прошло еще несколько станций, прежде чем я понял, что тебя действительно больше нет. Я продолжал ждать, что ты вернешься в вагон метро, сядешь рядом со мной и положишь голову мне на плечо. Ничего не будет сказано. Ничего не нужно будет говорить.

Когда поезд вернулся на «Авеню Джей», я вытянул шею, как только поезд подъехал к станции. Возможно, ты была там, на платформе, все еще ждала меня. Возможно, я увижу тебя, светящуюся от счастья и улыбающуюся, твои длинные белые волосы будут развеиваться на ветру от надвигающегося поезда.

⁵ Жанр мексиканской народной музыки.

Но нет, тебя не было. И я понял, что, скорее всего, больше никогда тебя не увижу. И я подумал: как удивительно, что можно знать человека шестьдесят лет и все же совсем его не знать.

Я просидел до «Юнион-сквер», там вышел и пересел на ветку L.

Гид по достопримечательностям Нью-Йорка

Гид

по достопримечательностям Нью-Йорка

для заядлых поклонников серьезных отношений

В восточной части Пятой авеню, между 50-й и 51-й улицами, возвышается величественный собор Святого Патрика, историческая ценность которого объясняется тем, что именно здесь вы с Эриком сидели на ступенях и ели замороженный йогурт.

Случись вам наткнуться на эту неоготическую-все-еще-действующую-Римско-католическую церковь, вы мысленно сразу же перенесетесь в те древние дни, то есть на несколько лет назад, когда вы наконец-то снова начали ладить, впервые, казалось, за целую вечность. Эта вылазка на Манхэттен напоминала о старых добрых временах, и ты улыбалась, не замечая, как сладкая липкая смесь банана и лесного ореха тает и стекает по твоей руке.

В какой-то момент Эрик посмотрел на тебя, широко улыбаясь, и со словами «У тебя тут...» потянулся к твоему лицу, а ты инстинктивно отпрянула от его руки. Ты ничего не хотела этим сказать – плечо дернулось само по себе, – но это мгновение перечеркнуло весь день.

Вы с Эриком посмотрели друг на друга в тени того собора, и ты заметила, как вытянулось его лицо. Оно вытягивалось так часто, очень по-эриковски.

«Что мы делаем?» – спросил Эрик, а ты покачала головой и сказала: «Я не знаю».

После этого вы очень долго сидели на ступенях собора, не говоря ни слова. Затем вернулись в квартиру Эрика и занялись сексом. Но было уже слишком поздно. Что-то сломалось.

Нью-Йорк насквозь пропитан историей. Взять, например, Waverly Diner в Гринвич-Виллидж. Именно там вы с Китом проболтали всю ночь за блинчиками, улизнув с вечеринки, которую Эмили устраивала на свое двадцатилетие.

Вам с Китом хотелось обсудить всё на свете. Это было сразу после расставания с Эриком, а Кит был так на него не похож. Кит был полной противоположностью всему, что олицетворял Эрик.

Если бы ты тогда мыслила здраво, то наверняка догадалась бы, что в итоге напрасно причинишь Киту боль. Но в ту ночь все было идеально. Ты хотела Кита, и тебе казалось, что ты каким-то образом его заслужила. Тебе казалось, что вся твоя жизнь была последовательной подготовкой ко встрече с этим мужчиной.

Ты до сих пор иногда проходишь мимо Waverly Diner в Гринвич-Виллидж, на авеню Америк, но редко бываешь там и тем более не заказываешь блинчики.

Есть ли другой город, столь же испорченный своей историей, настолько же замаранный кровью прошлых сражений? Однажды, шатаясь по Restoration Hardware⁶ на перекрестке Девятой и Тринадцатой авеню, убивая время перед прогулкой по Хай-Лайн с родителями Бориса, ты лениво взяла попавшуюся под руку лопатку – и она внезапно напомнила о ссоре, произошедшей два года назад на кухне у Кита.

⁶ Магазин дизайнерской мебели и декора, в котором, в частности, продаются реплики культовых предметов разных эпох и стилей.

Разговор начался довольно невинно, с того, что Кит спросил: «С чем ты хочешь омлет?» – и каким-то образом закончился через два часа, когда он выкрикнул: «Я не думаю, что ты на самом деле меня любишь; я думаю, ты просто до смерти боишься остаться одна», а ты, воинственно размахивая лопаткой, на одном дыхании выпалила: «Я *и так* одна; ты не представляешь себе, насколько я одна», будто утверждая победу в споре.

Лопатка, попавшая тебе в руку в Restoration Hardware, выглядела точно так же как та, ее форма казалась неожиданно знакомой, а вес в руке ощущался угрожающе мощным, и, когда ты объяснила Борису жутковатое значение этого артефакта, он поморщился и сказал: «Если мы хотим вместе двигаться вперед, тебе рано или поздно придется перестать оглядываться назад».

Ты уже встречалась с Шоном, когда Борис позвонил среди ночи, пьяный, и спросил, не хочешь ли ты на Статен-Айленд. Ты никогда не была на Статен-Айленде, и он никогда не был там, и поскольку Борис должен был вот-вот переехать в Филадельфию, казалось, это было идеальное время для посещения Статен-Айленда.

Борис звал тебя переехать в Филадельфию вместе с ним, но это было слишком далеко, слишком быстро, слишком похоже на Бориса и попросту слишком. Вместо этого ты выбрала Нью-Йорк. Ты рассталась с Борисом, сняла квартиру в Бушвике и начала встречаться с Шоном, симпатичным барменом из Union Pool. Ты не думала, что когда-нибудь увидишь Бориса вновь, но в свою последнюю ночь в Нью-Йорке он, пьяный, позвонил тебе на ночь глядя, чтобы позвать в приключение.

Правда заключается в том, что на Статен-Айленде смотреть особо нечего, тем более после полуночи. Плыть туда на пароме ужасно романтично, но как только путь окончен... ну, есть лифт на последний этаж терминала, и, если станет скучно, можно проехаться на нем обратно вниз.

В здании парома стоит аквариум, а на нем табличка, информирующая обо всех трудностях, сопряженных с установкой аквариума в здании терминала Статен-Айленда. Это очень большой аквариум и тяжелый настолько, что пол пришлось укреплять металлическими балками. «Этот аквариум – серьезное дело; в его установку было вложено немало сил, – сообщает табличка, если память тебе не изменяет (ты с тех пор ни разу там не была). – Мы поставили его для вас, гости Статен-Айленда, так что было бы здорово, если бы вы это ценили!»

Ты помнишь, как стояла рядом с Борисом и читала табличку. Можно было подумать, что в последнюю совместную ночь захочется сказать друг другу гораздо больше, но оказалось, что к тому моменту вы и так уже сказали все что могли. И вместо второго круга объяснений вы стояли рядом молча и читали табличку на основании аквариума.

«Добро пожаловать на Статен-Айленд, – скорее всего, говорилось там. – Надеемся, вам у нас понравится! Возможно, если бы все было по-другому, если бы один из вас не уезжал из города навсегда, вы могли бы как-нибудь прийти сюда снова. Возможно, это место могло бы стать особенным для вас, чем-то большим, чем точка на карте, где вы однажды побывали, просто потому что а почему бы и нет? Но, с другой стороны, наверное, не стоит слишком сильно об этом задумываться. Просто наслаждайтесь моментом. У вас впереди обратная поездка в Манхэттен, и если вы слишком загрузите себя всякими „если бы да кабы“, паром просто потонет».

Эта земля, Нью-Йорк, известный голландским поселенцам как Новый Амстердам и коренным алгонкинам⁷ как Ланапехокинг, переполнена своим толком не погребенным прошлым. Туннели метро уже почти непригодны для движения, их завалило грудой похожих друг на друга воспоминаний. Если тебе случится пронестись по ветке L мимо станции «Лоример» в Уильямсберге, на платформе ты увидишь молодую женщину с растрепанными волосами и

⁷ Индейский народ.

размазанным макияжем, ждущую поезда, – это ты в одну из тех шести недель, когда в три часа ночи возвращалась домой от Шона нетвердой походкой, держа в руке туфли на высоком каблуке, потому что не хотела быть девушкой, которая остается на ночь.

Город кишит триггерами, и чем дольше ты здесь живешь, тем больше наземных мин за собой оставляешь. GAP на Астор Плейс, туалет в Crocodile Lounge – шансы наткнуться на дымок от погасшего пламени прошлой любви рекордно высоки, и они продолжают возрастать с каждым важным мгновением, проведенным с еще одним важным для тебя человеком.

Но из всех мемориалов павшим героям и трагическим жертвам твоего капризного сердца – список их поспорит размерами и утомительностью с густонаселенным кварталом – существует лишь одно место, куда ты точно никогда не сможешь вернуться.

Ты знаешь, где оно, и изо всех сил стараешься избегать его, чтобы ничто не могло напомнить, что же там произошло. Это место – уже перебор. Оно проглотит тебя целиком, этот вакуум, эта яма, это непритязательное двухэтажное здание в Кэррол Гарденс, где расположена квартира с одной спальней, которую гораздо более юная ты и мужчина, теперь записанный в твоём телефоне как «НЕ ЗВОНИ ЕМУ», однажды по глупости назвали «домом».

Иногда ты представляешь, как НЕ ЗВОНИ ЕМУ тоже туда не идет. Ты воображаешь, как вы вдвоем не идете туда в одно и то же время и не встречаетесь на улице рядом с домом; как ты не пользуешься возможностью сказать ему о том, как он тебя ранил, как не объясняешь ему, что, хотя сейчас тебе уже все равно – абсолютно, абсолютно все равно, – ты просто хотела убедиться, что он не будет вести себя так же дерьмово со следующей девушкой, ради ее же блага.

– Потому что ты ебаная гуманистка, – не скажет он, и ты задумаешься, зачем вообще надо было с ним не встречаться.

А еще есть Бронкс, где люди решают пожениться – если конкретнее, то та часть Бронкса, где находится зоопарк, конкретнее, та часть зоопарка, где находится обезьянник, еще конкретнее, твои бабушка с дедушкой, которые посетили обезьянник в зоопарке Бронкса через шесть недель ухаживаний и решили пожениться.

– Как вы приняли такое серьезное решение всего через шесть недель? – однажды спросила ты свою бабушку. – Вы едва друг друга знали.

– В то время люди долго не тянули. Если ты кого-то любила – ты выходила за него.

– Но как именно вы решились?

– Это было легко, – ответила она. – Я спросила твоего дедушку: «Как думаешь, нам стоит пожениться?» И он сказал: «Давай спросим обезьян. Эй, обезьяны! Как думаете, нам стоит пожениться?» Обезьяны начали смеяться, и он сказал: «Я думаю, это значит да».

– И это все? Вы поженились, потому что обезьяны засмеялись?

Твоя бабушка пожала плечами:

– Я подумала, это знак.

Однажды ты отвела Алекса в зоопарк в Бронксе – или это был Энтони? – посмотреть, подадут ли приматы и вам какой-нибудь знак, но обезьянника больше не было. Его снесли в 2012-м.

Ты решила, что это тоже знак.

В Астории, что в Куинсе, есть маленькая квартира-студия, где Карлос, любовь всей твоей жизни на текущий момент, работает над заявкой в аспирантуру. Во время затишья на работе или долгих поездок по маршруту N ты начинаешь представлять себе, как Карлоса в итоге принимают – и ты едешь за ним – куда-нибудь далеко-далеко.

Ты представляешь себе, как проведешь остаток жизни с этим мужчиной, как представляла это с каждым из них – не потому что думаешь, что это обязательно произойдет, а просто потому, что тебе любопытно.

Ты представляешь ваших детей, семейные поездки и ужины на годовщину, то, как вы будете помогать друг другу с посудой, перебивать и поправлять истории и шутки, то, как вы дадите обещание никогда не ложиться спать обиженными, даже если это означает – как это часто и бывает – ссориться всю ночь.

Но чаще всего ты представляешь себе, как вы будете жить где-то еще, на расстоянии многих миль от этой тесной и многолюдной некогда процветающей столицы двадцатого века. Ты думаешь, что это могли бы быть Остин или Миннеаполис. Ты слышала, что Сиэтл прекрасен, а вы там ни разу не были.

Однажды утром за завтраком с чаем и субботним номером *Seattle Times* в вашем просторном новом лофте в центре города (или где там живут люди в Сиэтле) Карлос улыбнется тебе, а ты улыбнешься ему, и он так по-карлосовски почешет свой лохматый затылок и скажет: «Эй, а почему бы нам не спланировать поездку в Нью-Йорк как-нибудь? Посмотрим шоу на Бродвее, встретимся со старыми друзьями...»

Карлос уберет со стола недоеденные хлопья в мисках из нового набора – вы купили его, как только переехали, – и по дороге к раковине нежно поцелует тебя в лоб, тот самый лоб, что так нежно целовало так много мужчин, еще одно надгробие на кладбище тысяч поцелуев.

Ты улыбнешься ему и подумаешь, станет ли он тоже, как те многие, что были до него, когда-нибудь сладко-горьким воспоминанием, погубит ли его та же самая глупая ошибка – знать тебя чересчур хорошо и одновременно каким-то образом недостаточно.

– Что скажешь? Хочешь поехать в Нью-Йорк, посмотреть достопримечательности?

– Нет, – говоришь ты. – Там слишком много призраков.

Мы, ученые мужи²⁸

Мы, ученые мужи

Моя жена в то время была на одиннадцатом месяце беременности, что казалось мне ужасно поздним сроком.

Это нормально? – спрашивал я,

а Джессика говорила: *Доктор говорит, это нормально.*

а я говорил: *Мне так не кажется.*

а она говорила: *Ты доктор, Йони?*

а потом я говорил: *Да. Вообще-то доктор. И ты тоже. Формально мы оба – доктора.*

а она говорила: *Может, оставим эту тему?*

Я получил докторскую степень в космической инженерии, но моей страстью всегда была молекулярная биофизика. Когда мне позвонил мой друг и наставник доктор Карл Хесслейн, я читал лекцию по философии науки полупустому классу ленивых второкурсников, которые надеялись, что мой курс будет легким способом набрать необходимое количество часов общего курса в заурядном по большей части и ничем не примечательном университете. Я не хочу быть невежливым по отношению к упомянутому университету или его студентам; это просто факты.

Я показал классу этот слайд:

(я нарисовал эту картинку сам)

Сначала хорошая новость, – сказал я. – Мы обречены. Наша планета умирает. Наша вселенная умирает. Наши друзья, наша семья, все, кого мы когда-либо знали и будем знать, все наши далекие потомки, которые родятся еще только через тысячи поколений, все мы медленно-медленно умираем умираем умираем.

²⁸ Рассказ «Мы, ученые мужи» был впервые опубликован в журнале WHAT YOU DO | EAT A PEACH в 2009 году, а впоследствии – в журнале SATAPULT 10 сентября 2015 года.

Я показал им этот слайд:

А затем сказал: *Ой, извините, я сказал ХОРОШАЯ новость?*

В этом месте мой план лекции велел мне: [СДЕЛАТЬ ПАУЗУ ДЛЯ СМЕХА].

Никто не засмеялся.

Я все равно сделал паузу.

Но есть и хорошая новость, – продолжил я. – И она заключается вот в чем: наука будет жить после нашей смерти. Наука выживет вне зависимости от попыток понять ее или их отсутствия; науке все равно.

Как бессердечная бывшая, наука не будет скучать по вам, и, конечно, это немного грустно, но разве в то же время не здорово?

Мой телефон зазвонил. Я сразу понял, что это доктор Хесслейн, из-за рингтона, помпезной и навязчивой «Ах, Вена-городок» Бетховена.

Я ответил на звонок: *Доктор Хесслейн! Я сейчас на занятии.*

Студенты продолжали печатать в ноутбуках и телефонах. У меня промелькнула мысль, что они конспектируют мой личный телефонный разговор, но принцип бритвы Оккама подсказывал мне, что они не вели конспекты с самого начала.

Речь Карла состояла из перекрывающих друг друга обрывков, словно Карл, как и сама наука, абсолютно не желал быть понятым: *Йони! Грант! Совет директоров! Под руководством! Был основан! Наконец-то! Я не могу! Это происходит!*

Наконец-то – это про Анти-Дверь, проект, о котором мы с ним мечтали большую часть нашей сознательной жизни. Сейчас он внезапно стал реальностью благодаря щедрому гранту от Фонда Фрэнка и Фелисити Филдингов.

Я впервые заинтересовался исследованием Карла несколькими годами ранее, после того как увидел Нечто Ужасное в Метро.

Я читал новую книгу Милтона Хилтона, размышления над уровнями скорости частиц – ничего революционного. Внезапно я отчетливо услышал, как происходит Нечто Ужасное.

Нет! Пожалуйста, перестань!

Я не поднял глаз.

Помогите, – услышал я. А затем, на случай, если я не расслышал: – Пожалуйста, помогите мне. Пожалуйста!

Я старался не слушать.

Я сосредоточился на словах в книге. Я перечитывал один и тот же абзац снова и снова. Вот что там было написано:

Частицы, частицы, частицы повсюду. А еще, Дебра, я люблю тебя; ты выйдешь за меня?

На ужин мы с Джессикой взяли китайскую еду. Моя жена не любила готовить – звучит так, будто она должна была готовить, будто это ее обязанность, извините, – мы с женой не любили готовить. Мы часто заказывали доставку. В тот вечер мы остановились на китайской кухне.

Я спросил: *Как твой день?*

а она сказала: *Долбаные плодовые мушки...*

а я сказал: *Ага...*

Она спросила: *Как твой день?*

а я сказал: *Милтон Хилтон попросил Дебру выйти за него.*

а она сказала: *Здорово. А потом: кто такая Дебра?*

а я сказал: *Не знаю.*

В ту ночь я лежал в кровати и смотрел на звезды (у нас тогда шел ремонт; в спальне не было потолка) и думал о том, что так ничего и не сделал, происходило Нечто Ужасное, а я бездействовал, интересно, была бы лучшая версия меня менее трусливой.

Следующие несколько дней, месяцев и лет я часто размышлял об этом не-я, том не-я, который был бы нежен с женой, когда я был черств, который был бы терпелив с моими студентами, когда я раздражался. Я думал об этом человеке каждый раз, когда хотел сказать *Я люблю тебя*, но вместо этого говорил *Не трогай это*. Каждый раз, когда я хотел сказать *Да!*, но вместо этого говорил *...Да?* Каждый раз, когда я хотел сказать *Все будет хорошо*, но вместо этого не говорил ничего.

Когда я говорю вам, что не могу сосчитать, сколько раз принимал неверное решение, выбирал неверные слова, шел по неверному пути, пожалуйста, знайте, я говорю это не потому, что скромничаю насчет своих математических способностей, которые, я вас уверяю, более чем соответствующего уровня. Но если бы существовал другой я, моя полная противоположность, который делал бы все правильно – ну, я полагаю, этот парень был бы хоть куда.

Доктор Хесслейн подробно описал анти-вселенную, которая совсем не напоминала нашу; уравновешивая и нейтрализуя ее, она получала излишки нашей энергии и превращала их в анти-энергию. Более храбрый, мудрый, лучший не-я жил бы там, так же как и не-все остальные, кто когда-либо существовал. Всё, чем является анти-вселенная, аккуратно дополнило бы то, чем мы не являемся, как вторая половинка английской булочки. Она стала бы решением наших проблем и вдохновила бы нас стать лучшими не-нами.

И теперь, наконец-то получив грант, доктор Хесслейн собирал команду физиков и инженеров, чтобы разработать и построить дверь в ту вселенную. Он спросил меня, хочу ли я стать частью истории, если только я не слишком занят забрасыванием слов в кучку скучающих студентов. Мне даже не понадобилось время на раздумья.

Работа над Анти-Дверью началась осенью. Мы исходили из предположения, что, пока велась разработка двери, которая открывалась бы наружу, ученые в противоположной вселенной работали над той же дверью, которая открывалась бы вовнутрь, потому что: логика.

В первый день на новой работе Джессика настояла на том, чтобы проводить меня до метро. Она сказала: *Будь осторожен со всеми этими сложными теоретическими уравнениями, хорошо? У некоторых из них острые углы.*

а я сказал: *Обязательно надену перчатки.*

Серьезно, ты играешь с основами времени и пространства. Не создай ненароком какую-нибудь парадоксальную карманную вселенную, в которой ты никогда не рождался, потому что я все еще рассчитываю на то, что ты приберешься в гараже.

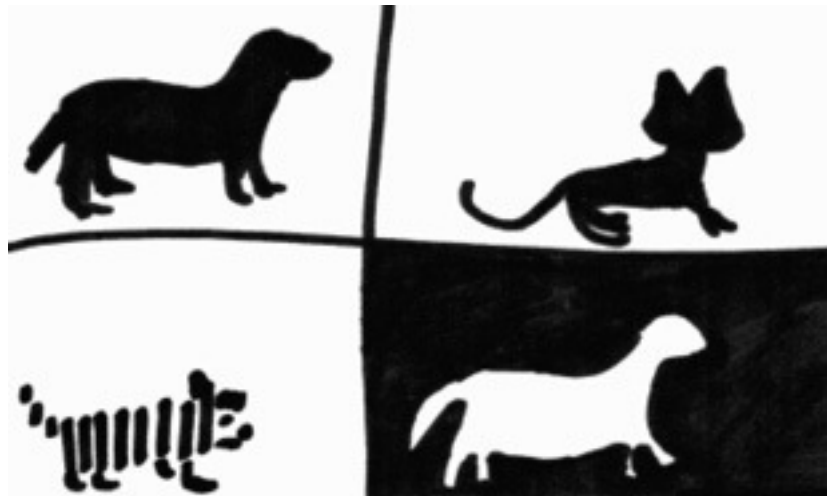
а я сказал: *Ты так трогательно обо мне заботишься.*

а она сказала: *Я пошутила! Извини; я нервничаю.*

а я сказал: *Не надо; это вредно для ребенка.* Я поцеловал ее в лоб.

Она сказала: *Кстати, я серьезно: когда вернешься, приберешься в гараже?*

Конечно, вселенная не черно-белая, и противоположности оказались более неустойчивыми, чем мы ожидали. Противоположностью собаки может быть кошка, а может быть другая собака или вообще ничто, отсутствие собаки.

Я должен повторить, что это всего лишь математическое упрощение, но оно передает основной принцип. Вот еще несколько примеров:

Пример:

Я не буду сегодня
дома

Моя мать

Я не говорю *Я люблю*
тебя

Возможные

противоположности

Я [буду] дома сегодня

Я не буду [не дома] сегодня

Я [буду] [не дома] сегодня

Я [буду] [не дома] [каждый день]

[Мой отец]

[Моя жена]

[Мой нерожденный ребенок]

[Моя мать] [(Моя мать умерла)]

Я [говорю] *Я люблю тебя.*

Я не говорю [*Я ненавижу тебя.*]

[Ты] не говоришь

[что любишь меня].

Я не говорю *Я люблю тебя.*

[Я об этом даже не думаю.]

Заметьте, что в последнем примере в трех случаях из четырех противоположностью молчания будет молчание. Мы с большой помпой объявили о наступлении новой эры равновесия и понимания, но чем больше тестов мы проводили, тем меньше были уверены в том, что ждет нас по ту сторону двери, на строительство которой мы потратили восемь месяцев.

Что, если ты зайдешь в Анти-Дверь, а гравитация поднимет тебя над землей и отправит в открытый космос? Что, если кислород по ту сторону двери окажется ядовитым? Что, если в комнате, из которой ты выходишь, нет никаких пираний, а ты войдешь в помещение, битком набитое зубастыми рыбами? И самое ужасное – что, если мир по ту сторону двери не лучше и не хуже нашего, а просто другой? Что, если в нем так же много войн, голода, беззакония и трусости?

Но Фрэнка и Фелисити Филдингов, а также их фонд, не интересовали все эти «что, если», их интересовали конкретные результаты, а поскольку у нас их не было, они урезали финансирование, и я вернулся к малопривлекательной роли мелкого раздражителя для подростков, страдающих от похмелья, мужа и, рано или поздно, предположительно, отца.

Однажды днем после особенно провальной лекции «Материя – это тонкая материя» я вернулся в свой скромный кабинет на четвертом этаже отделения естественных наук и обнаружил, что тесное, плохо освещенное помещение, которое университет считал достойным меня, стало еще теснее.

На моем стуле сидел, положив ноги на стол, не кто иной, как Карл Хесслейн, а за ним стояла Анти-Дверь, загораживая выходящее на аллею окно (единственный источник естественного освещения в комнате).

Почему она здесь? – спросил я,

а доктор Хесслейн сказал: *Ты думаешь, я собирался просто отдать ее Филдингам? Они бы даже не знали, что с ней делать!*

а я сказал: *Мы тоже не знаем, что с ней делать.*

а он сказал: *Просто поддержи ее здесь, пока я не найду место получше, хорошо?*

а я сказал: *Но что, если кто-нибудь ее увидит? Что, если кто-нибудь из студентов захочет зайти в приемные часы?*

а он сказал: *Это когда-нибудь случилось?*

а я сказал: *Пока еще нет, но мне нравится думать, что кто-нибудь может меня удивить.*

а он сказал: *Просто поддержи ее здесь несколько недель. Обещаю, ты забудешь, что она вообще здесь стоит.*

Что сказать, я не забыл. Дверь была у меня за спиной, пока я проверял работы студентов. Дверь была у меня за спиной, пока я обедал у себя в кабинете – чередой унылых салатов из университетской столовой. Каждый день комната казалась все меньше, а Анти-Дверь – все больше.

Дверь была у меня за спиной, когда мне поступил звонок от Джессики: она возвращалась от врача, у которого надеялась узнать, почему ребенок так и не вышел на свет за полтора года.

Доктор думает, это может быть психосоматическое, – сказала она. – *Он думает, что, возможно, я подсознательно не готова к ребенку.*

а я сказал: *Серьезно? А ты как считаешь?*

а она сказала: *Ну, я считаю, что готова... Может быть, я чувствую, что ты не готов. В смысле я не готов? Я готов.*

Потом была пауза, и она сказала: *Мне кажется, ты еще не примирился с мыслью, что все изменится, как только появится ребенок. Он повлияет на нас, нашу независимость, нашу карьеру, на все, что для нас важно...*

а я сказал: *Почему ты думаешь, что я не готов к этому?*

она вздохнула и сказала: *Я не знаю, Йони.*

а я сказал: *Обещаю тебе, ребенок родится, и это будет самое удивительное, что когда-либо с нами случилось, мы будем прекрасными родителями, но, пока этого не произошло, почему бы нам не попробовать насладиться оставшимся у нас временем, прежде чем все изменится.*

а она сказала: *Видишь, это как раз то, о чем я говорю: ты не готов.*

а я ничего не сказал,

а она сказала: *Извини, Йони.*

а я сказал: *Мы поговорим об этом, когда я вернусь домой.*

а она сказала: *Хорошо, Йони.*

Я положил трубку – дверь была у меня за спиной,

затем я развернулся, чтобы посмотреть на нее,

затем взялся за ручку,

затем ее повернул,

затем открыл Анти-Дверь

и прошел через нее.

Едва переступив порог, я оказался в луже воды. Я упал на четвереньки и выплюнул кровь изо рта; я проглотил зуб. Пришлось зажмуриться, поскольку глаза еще привыкали к новому освещению. Насколько я понял, это был тот же самый тесный кабинет, из которого я только что вышел, но на полу стояла вода, глубиной сантиметров в пятнадцать. Невероятно красивый мужчина в темно-синем вельветовом костюме уставился на меня. Я увидел табличку на двери кабинета.

Ты Йонатан Бекерман, – сказал я,

а он сказал: Без базар-р-р-р-ра. Не знаю, как ты очутился в моем кабинете, чувак, но, может, хочешь посмотреть видос, где я бросаю мяч? У меня круто получается.

Я сказал: Ты – моя противоположность.

а он сказал: Заткнись, это ты – моя противоположность.

а я сказал: Да, оба эти факта верны.

а он сказал: Заткнись, оба эти факта неверны.

Потом он сказал: Слушай, я не знаю, что у тебя на уме, но, может, хочешь сегодня поужинать с нами? Моя жена офигенно готовит; а еще она нереальная красотка.

Мы дошли до его дома. Улицы были затоплены, и второй Йонатан подтрунивал надо мной за то, что я не взял с собой сапоги. Люди повсюду кричали и выкидывали крупногабаритные электронные приборы из окон. Наводящие ужас летучие мыши перелетали от фонаря к фонарю.

Йонатан жил в подтопленном особняке посреди реки. Он открыл входную дверь с ноги и крикнул в сторону кухни: *Джека, смотри, кого я нашел! Он хочет поужинать.*

а я сказал: Меня зовут Йони; я работаю в университете с вашим мужем.

Первое, что я заметил в Джеке Бекерман, – то, насколько она не была беременна. Она вытерла руку о фартук и, широко улыбаясь, протянула ее мне. *Очень приятно с вами познакомиться, – сказала она. – Ужин будет готов через минутку.*

Это был лучший ужин, что я ел за много лет. Джека рассказала нам об исследовании четырехкрылых колибри, над которым она работала. *Формально они не настоящие птицы, – сказала она. – Мы не знаем, что они такое. Но гляньте на эти миграционные потоки... Я с трудом мог за ней угнаться, она говорила так быстро. Джека с бешеной скоростью перескакивала с одной мысли на другую, опрокидывая в себя бокалы вина. Если полевые испытания провалятся, я умру. Буквально упаду замертво и буду лежать мертвой до конца жизни. Но если они пройдут успешно, о, Йони, если они пройдут успешно... Я об этом даже не могу мечтать.*

Пока Йонатан мыл посуду, я навел скуку на его жену рассказами о собственной карьере. В определенный момент я, должно быть, о чем-то ей напомнил, потому что она прикусила нижнюю губу и спросила: *Вам нравятся землетрясения?*

а я сказал: Конечно (что правда). Землетрясения, торнадо, ураганы – мне нравятся любые ситуации, где все внезапно меняется и прежние правила перестают работать. Люблю хорошую чрезвычайную ситуацию.

а Джека сказала: Хотите секрет? Я тоже.

Я пешком вернулся в кампус, где работал Йонатан, прошел через Анти-Дверь в свой кабинет и поехал на метро домой. Моя жена была в гостинной, я горячо поцеловал ее в губы и сказал: *Эй, красотка! Расскажи мне что-нибудь интересное о плодовых мушках.*

Джессика посмотрела на меня и сказала: Йони, это просто долбаные плодовые мушки.

Я стал забегать в мир по другую сторону Анти-Двери ежедневно между уроками, неизменно выплевывая по новому зубу и запихивая его в карман, чтобы Джека потом вставила его мне обратно. Я безупречно ориентировался в районе, где жили противоположности Бекерма-

нов, и каждый раз старался как можно быстрее добраться от кампуса к ним домой. Тридцать минут. Двадцать минут.

Эта новая вселенная, как я обнаружил, была волнующей, пугающей и романтической: если что-то обладает одним из этих качеств, то и двумя другими тоже. Ты проходишь через Анти-Дверь и внезапно становишься другим человеком. Что-то теряешь, а что-то находишь. Что-то забываешь, а что-то вспоминаешь. Ты запускаешь руку в карман, достаешь часы, которых там раньше не было, фотографию девушки, которую не узнаешь, и визитную карточку мужчины, которого никогда не встречал.

На мой день рождения Джека испекла мне *землепеченье*, кондитерскую катастрофу, усеянную маленькими зелеными конфетными человечками, пытающимися укрыться под развернутой сдобной земной корой.

Мы сидели вместе на одном из баскетбольных матчей Йонатана. Корт был расположен на возвышении, чтобы не пришлось играть в воде. Я близко наклонился к женщине, которая была противоположностью моей жены, и прошептал: *Он и правда очень хорош.*

Джека улыбнулась: *Правда же? Я собиралась напечь кексиков, но... Почему-то решила не печь.*

Я сказал: *Ничего страшного; у меня никогда не получается есть кексики без чувства вины.*

а она сказала: *Йонатан такой же*, – и я знал, что кто-то из нас точно врет.

Я спросил Джеку про ее полевые исследования. Она потупила взгляд, но потом ее глаза замерцали и она спросила меня, что я делаю на Новый год. *Йонатан должен будет остаться в офисе, чтобы проверить работы. Может, придеешь? Не хочу быть одна.*

Когда я сказал Джессике, что буду вынужден остаться в офисе и проверить работы в новогоднюю ночь, она напряглась.

Не заставляй меня идти на ту вечеринку одной, – сказала она,

а я сказал: *Ты справишься.*

Она сказала: *Но угадай что – я испеку пирог. Я ведь никогда не пеку!*

а я сказал: *Оставь мне кусочек.*

Джессика часто говорила *Угадай что*, потому что:

1. она думала, это мило, а еще

2. она была ученой, а ученые, утверждала она, всегда должны угадывать что.

Когда она была в игривом настроении, она говорила: *Угадай что – ты мой муж; угадай что – я тебя люблю; угадай что – ты такой милый, что я хочу заехать тебе по лицу.*

А когда она думала, что меня нужно приободрить, она говорила: *Угадай что.*

а я говорил: *Что?*

а она говорила: *Я считаю, что ты великолепен. И я так тобой горжусь.*

Но чаще всего она использовала эту фразочку, когда на что-то жаловалась: *Угадай что – ты забыл помыть посуду* или *Угадай что – кое-кто оставил свои ботинки посреди гостиной, чтобы его беременная жена о них споткнулась.*

На Новый год мы с Джекой стояли на кухне, пили вино и слушали радио (Йонатан выкинул телевизор в окно). Передавали новости о войне в какой-то стране, которой, я был почти уверен, в моей вселенной не существовало. Джека оперлась на раковину и прикусила нижнюю губу – она часто так делала, прежде чем задать мне вопрос.

Когда ты понял, что хочешь быть ученым? – спросила она, и я поведал ей свою историю «Как я заинтересовался наукой».

Йони Бекерман
Как я заинтересовался наукой

Когда я был в четвертом классе, Питер Вайс вернулся из семейной поездки в Германию с ужасающим кашлем и какой-то заразой, разлетевшейся по классу, как пятна на картинах Джексона Поллока.

Как оказалось, не заразились только евреи. Все светловолосые Смиты и Вандервильты исчезли, а Розенберги и Коэны каким-то образом оказались сильнее, словно их подпитывало отсутствие наших одноклассников, будто они сад, внезапно освобожденный от сорняков.

В итоге врачи выяснили, что Питер Вайс отравился остаточными токсинами во время экскурсии в концентрационный лагерь, а все евреи в классе, внуки выживших, унаследовали иммунитет, выработавшийся за годы воздействия.

Именно тогда я понял, что наука – вокруг нас.

Все остальные предметы неизменны: Брут всегда будет убийцей Цезаря, один плюс один всегда будет равно двум, ЖИ-ШИ всегда будут писаться с буквой «и». Но в естественных науках постоянно происходят новые открытия.

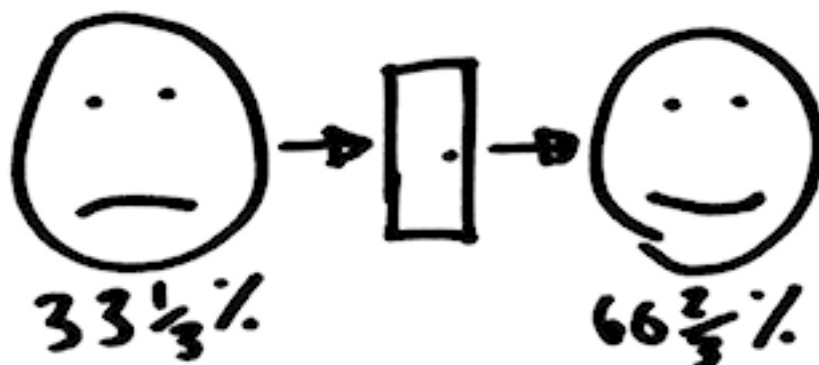
Мы – последние пионеры.

Джека посмотрела на меня и прикусила нижнюю губу. Было ясно, что она хочет о чем-то спросить, поэтому я сказал: *Что?*

а она сказала: *Когда ты проходишь через Анти-Дверь, это делает тебя счастливее?*

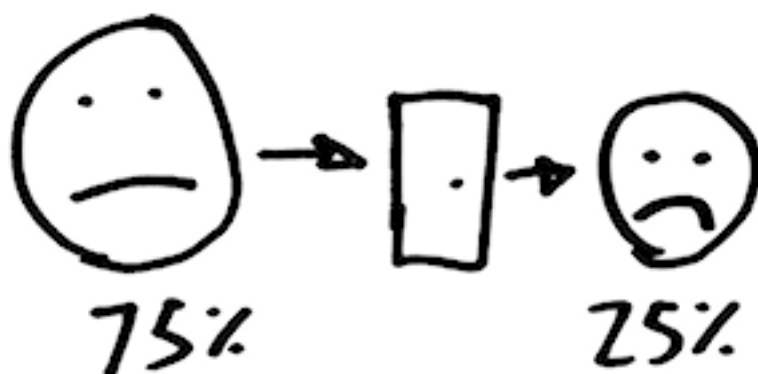
Я всегда счастлив видеть тебя, – сказал я.

а она сказала: *Да, но я подумала... Предположим, что я счастлива на треть от всего возможного счастья. Если бы я прошла через дверь, стала бы я внезапно счастлива на две трети?*

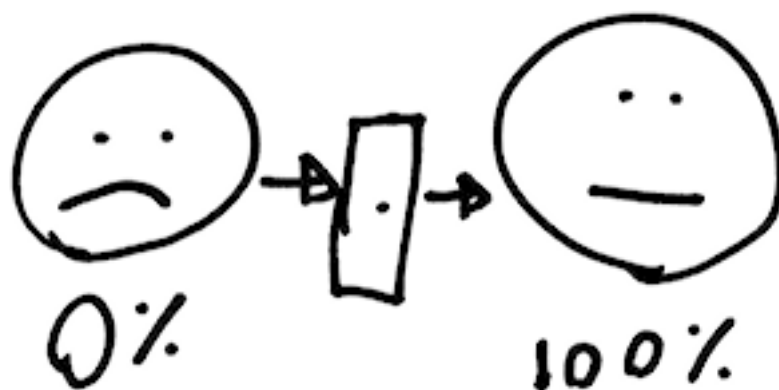
Наверное, – сказал я. – *В два раза счастливее, чем сейчас!*

а она сказала: *Но в этом вся проблема; я не знаю, насколько я счастлива. Кто знает, я могу быть счастлива на 75 %, и, если бы я прошла через дверь, меня бы внезапно отбросило до 25 %.*

Не знаю, что было бы печальнее: знать, что я была бы лишь на треть счастливее, чем сейчас, или знать, что мое нынешнее состояние – это три четверти от всего счастья, что я только могу испытать.

Что, если бы уровень моего счастья был на нуле, я прошла бы через дверь и поняла, что сто процентов счастья все равно не делают меня такой уж счастливой?

И что тогда?

Я начал отвечать: *Это не совсем так*, – но она уже разошлась, внезапно оказалось, что уже почти полночь, и я сказал: *Счастливого Нового* – на моих часах вдруг задрожала минутная стрелка, полночь наступила внезапно, и вот мы уже целуемся. Люди по радио радовались Новому году, я услышал взрывы вдалеке, открыл глаза, пока целовал ее, и увидел четырехкрылую колибри за окном – все было слишком, слишком красиво.

Затем, внезапно, полночь осталась позади и мне стало нестерпимо стыдно. Прошла одна секунда после полуночи, что так далеко от полуночи, как только может быть, пока не начнешь двигаться в обратном направлении. Я сказал: *Ну, мне пора...*

а она сказала: *Нет, пожалуйста. Остайся со мной. На чуть-чуть.*

Возможно, лучшая версия меня поступила бы правильно и ушла бы, а худшая версия вообще бы об этом не беспокоилась и просто с радостью нарушила все запреты, но я ничуть не лучше себя и мог сделать только то, что человек ничуть не лучше меня мог сделать.

Статуя не строится с основания – она вытесывается из цельного куска мрамора, – и я часто задаюсь вопросом, не формируют ли нас качества, которых нам недостает, словно мы все окружены пустотами, которые раньше занимал мрамор. Я могу сидеть в поезде. Могу лежать

в кровати без сна. Могу смотреть фильм; могу смеяться. И вдруг, совершенно внезапно, меня поразит цепенящая правда: нас определяет не то, что мы делаем. Нас определяет то, чего мы не делаем.

Я доехал на метро до кампуса Йонатана и плавно вставил свой ключ в дверь его кабинета. Когда я вернулся в свою вселенную, комната была затоплена; должно быть, я оставил Анти-Дверь открытой. До дома я добирался долго. Когда я заполз в постель, Джессика в полудреме сказала: *Привет.*

Я сказал: *Привет-привет.*

Она указала пальцем на свою щеку, я поцеловал ее

и спросил: *Как вечеринка?*

а она сказала: *Скучно. Хотела бы я, чтобы ты там был.*

а я сказал: *Извини.*

Она сказала: *Я не умею разговаривать с людьми. У меня во рту слишком много зубов; из-за этого я неправильно выговариваю слова. И у меня продолжают расти новые зубы – это очень странно. Как думаешь, это побочный эффект беременности?*

а я сказал: *Не знаю.*

Мы лежали в постели и смотрели на звезды (мы обрабатывали дом от насекомых; кровать стояла на улице) и Джессика сказала: *Я скучала по тебе.*

Я сказал: *Ты когда-нибудь задумывалась о том, каково это – пройти через Анти-Дверь?*

Она пробормотала: *Иногда.*

И уснула.

На следующее утро нас рано разбудил мой телефон, и Джессика прокричала: *Выключи его нахрен!* Это была ассистентка доктора Хесслейна, и в качестве рингтона стояла «Последняя электричка в Лейпциг», быстрый марш Малера.

Она сказала: *Йони, Карл... мертв.*

а я сказал: *О господи, с ним всё в порядке?*

а она сказала: *Ну, он мертв, так что... нет.*

Карл оставил кран открытым на всю ночь. Вода заполнила здание, и он захлебнулся во сне.

Мы отправились на похороны и шиву⁸. Я произнес неплохую и точную речь. Джессика с любовью жала мою руку. Но все это время я думал только об одном: Анти-Дверь у меня в кабинете, и теперь никто, кроме меня, о ней не знает.

Я снова ходил к Джеке. Мы занимались любовью в кровати, которую она делила с мужем; это была противоположность той кровати, которую я делил с женой, и поскольку каждый из нас был полной противоположностью супруга другого, я позволил себя убедить – нет, я сам убедил себя, – что с точки зрения математики это был нейтральный акт.

⁸ Шива – в иудаизме недельный траур по ближайшим родственникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.